

УДК 82-94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/2

Эго-документы Александра Духновича как источник информации о некоторых фактах истории русинов

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется отражение фактов истории русинов в эго-документах общественного и религиозного деятеля, издателя и просветителя Александра Духновича (1803–1865). Эпистолярное наследие и автобиографические материалы русинского будителя как прецедентной для соответствующего лингвокультурного сообщества личности рассматриваются в качестве одного из источников фактической информации, во-первых, о жизни, литературной и издательской деятельности, идеологических установках, этнической и языковой самоидентификации А.В. Духновича, во-вторых, о социальном статусе и материальном положении русинов в Королевстве Венгрия и Австро-Венгерской империи в середине XIX в., политике мадьяризации невенгерских народов и ее последствиях. Сравниваются факты, приводимые в эго-текстах Духновича и в современных трудах по истории, на основании чего делается вывод о том, что присущая письмам и автобиографиям субъективность и эмоциональность в отражении реалий действительности не снижает исторической и культурологической ценности подобных документов, делает их существенно значимыми в контексте осмысления прошлого непосредственным участником событий.

Ключевые слова: эго-документ, эго-текст, эпистолярное наследие, автобиография, русины, Духнович, экстралингвистические факторы, русский язык.

Alexander Dukhnovich's Ego-Documents as a Source of Information About Some Facts of the History of Rusins

S.V. Zelenko

Belarusian State University
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article analyzes the history of Rusins reflected in the ego-documents of the public and religious figure, publisher and enlightener Alexander Dukhnovich (1803–1865), who was a precedent personality for the Rusins linguocultural community. His epistolary heritage and autobiographical materials are a source of information, first, about his own life, literary and publishing activities, ideological attitudes, ethnic and linguistic identity, second, about the social and material status of the Rusins in the Kingdom of Hungary and the Austro-Hungarian Empire in the mid 19th century as well as magyarization of the non-Hungarian peoples and its consequences. The author compares the facts in A. Dukhnovich's ego-texts with modern works on history to conclude that the subjectivity and emotionality of letters and autobiographies does not undermine their historical and cultural value, thus making them significant for understanding the past by a direct participant in the events.

Keywords: ego-document, ego-text, epistolary heritage, autobiography, Rusins, Dukhnovich, extralinguistic factors, Russian language.

Иносказательность в художественной литературе и публицистике, которая может актуализироваться в письменной речи посредством разнообразных тропов, риторических фигур, речевых оборотов (метафоры, аллюзии, реминисценции, оксюморона, эвфемизма, перифраза, аллегии, каламбура, олицетворения и др.), зачастую является вынужденным способом творческого противостояния автора прозаического либо поэтического произведения определенным экстралингвистическим факторам, воздействующим на его творческое начало. Причинами создания подобных литературных трудов, когда автор, например, объективно не может напрямую высказать свою точку зрения, без вуалирования описать факт действительности и назвать имена реальных исторических личностей, культурных, религиозных и политических деятелей, становятся, как правило, обстоятельства,

угрожающие жизни и личной свободе как самого писателя, так и его ближайшего окружения, возникающие как реакция на публикацию со стороны представителей правящей элиты и надзорных органов, а также невозможность официального опубликования произведения в силу цензурных ограничений, которыми руководствуются редакторы в издательствах и средствах массовой информации в определенный исторический период.

Описанный выше феномен, а также коррелирующие с ним явления в научных трудах по языкознанию и литературоведению имеют несколько наименований. Так, в работе Л.В. Лосева «On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature» под термином «эзопов язык» понимается «специальная литературная система, структура которой позволяет наладить взаимодействие между автором и читателем и скрыть недопустимое содержание от цензора» [39: 10]. Рассуждая о влиянии цензуры на автора художественного произведения, исследователь подчеркивает: «Существование идеологической цензуры является очевидной предпосылкой возникновения эзопова языка в литературе. Другими словами, внелитературный фактор является необходимым условием для эзопова языка» [39: 4]. В статье «Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны» А. Вежицкая характеризует понятие «антиязыка», постулируя, что «в стране, в которой основная часть общества вынуждена существовать в подполье, а маленькая и отчужденная от общества группа контролирует большую часть сфер легальной жизни, само общество, а не какая-то маргинальная группировка порождает антиязык <...> Например, если страх и ненависть, которые испытывает население по отношению к подавляющему его режиму и институтам этого режима, не могут свободно выражаться в речи, прессе или литературе, они могут быть выражены с помощью слов и словосочетаний подпольного языка, и сама эта возможность приносит поработанному населению некоторое психологическое облегчение и чувство освобождения» [8: 108]. «Лексикой неравенства» В. Заславский и М. Фабрис называют словоформы, которые отражают «механизмы и практики, ведущие к неравенству в распределении привелегий, в доступе к информации» [41: 395]. Ученые подчеркивают: «Особая эмоциональность цензурно преследуемой лексики связана еще и с особенностями обстановки речевого общения и доминирующими стилями речи, в которой эта лексика используется. Обсуждение тех сфер жизни, которые требуют использования этой запрещенной лексики, может быть смертельно опасно для собеседника» [41: 396]. Приведенный терминологический перечень может быть продолжен.

Безусловно, подобные негативные (исторически и культурно обусловленные) факты, опосредующие творческий процесс создания текста, вынуждающие автора прибегать к различного рода литературным средствам вуалирования истинного смысла произведения, следует отличать от исключительно творческих интенций писателя и реализации его эстетических предпочтений, направленных на вовлечение читателей в диалогические взаимоотношения, когда декодирование текста художественной литературы или публицистики реципиентами информации является составной частью процесса коммуникации в дихотомиях *автор – читатель* и *текст – читатель*. Так, М.М. Бахтин, рассуждая о природе и взаимосвязи содержания, формы и материала художественного произведения, подчеркивал: «Художественный прием не может быть только приемом обработки словесного материала (лингвистической данности слов), он должен быть прежде всего приемом обработки определенного содержания, но при этом с помощью определенного материала» [5: 177].

Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева, исследуя поведение знаков в реальных процессах коммуникации (прагматику), приходят к следующему выводу: «В громадном большинстве случаев говорящие нарушают правила коммуникации в поисках косвенного способа выражения некоторого смысла, и они, следовательно, заинтересованы в том, чтобы передача была принята» [4: 29]. Приведенные тезисы раскрывают ведущую интенцию автора («обработка определенного содержания», «выражение некоторого смысла») при использовании в произведении любых художественных приемов, в т. ч. и средств вуалирования содержания, поскольку, как утверждает М.М. Бахтин, «язык сам по себе ценностно индифферентен, он всегда слуга и никогда не является целью, он служит познанию, искусству, практической коммуникации» [5: 178]. Можно констатировать, что в данном случае именно прагматические установки автора художественного или публицистического произведения (коммуникационные, эстетические, образовательные) следует рассматривать в качестве концептуально значимых при изучении взаимосвязи средств актуализации иносказательности и транслируемого ими смысла.

Отметим, что одним из основных источников сведений о том, что конкретный автор художественного или публицистического произведения был поставлен в условия, препятствующие его свободному творческому волеизъявлению, можно считать эго-документы: эпистолярное наследие писателя, автобиографические тексты, дневниковые записи, мемуары. Так, С.И. Митина констатирует, что эго-документ – это «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является автор-

ское "Я", выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [24: 3]. Структурно-семантические единицы триады «идея – переживание – действие», актуализируемые в эго-документах, являются основополагающими понятиями, раскрывающими подлинный замысел писателя, его истинные намерения и творческие желания, идеологические установки и мировоззренческие убеждения, которые автор в силу определенных обстоятельств вынужден был маскировать при помощи различных языковых средств иносказательности.

Многообразие литературных трудов просветителя, писателя, издателя, общественного и религиозного деятеля Александра Васильевича Духновича представлено не только эпическими [13: 79–93], драматическими [12: 3–22] и лирическими произведениями [27: 22–84], учебными [19: 3–112; 20: 3–116; 32: 3–46], историографическими [17: 528–559], публицистическими [14: 71–78] и другими работами, но также эпистолярным [11: 3–64] и автобиографическим [15: 3–19; 21: 17–51] корпусом документов. Примечательно, что в эго-текстах А.В. Духновича отражается не только приватно-бытовая информация, но и раскрывается специфика историко-культурного контекста, который в значительной степени оказывал влияние на творчество автора как представителя русинского лингвокультурного сообщества, чьи национальные и культурные интересы, подавляемые официальными властями Королевства Венгрия и Австро-Венгерской империи, он отстаивал. Профессор С.В. Бирюков в статье «Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос» отмечает, что «империя приписывала своим народам определенные статусы. Австриец (австрийский немец) выступал как бюрократ, работавший на имперскую организацию и имевший централизаторскую и культуртреггерскую задачу, связанную с распространением просвещения на его инонациональное окружение. Венгр представлял собой мелкого дворянина (джентри), тогда как славянин (чех, словак, хорват, словенец, серб, русин) "типологически" воплощал в себе крестьянское сословие (когда условием вертикальной мобильности были германизация либо мадьяризация)» [6: 199]. Таким образом, творческая, издательская и просветительская деятельность А. Духновича, занимавшегося проблемами «развития русинской культуры, литературы, народного образования, педагогики как науки» [1: 17], безусловно, опосредовалась экстралингвистическими факторами, актуализированными в данный период, который главный редактор международного исторического журнала «Русин» С.Г. Суляк характеризует следующим образом: «Со второй половины XIX в. начинаются самые трагические страницы истории русинов. К

тому времени большинство представителей высших классов утратили память о своем происхождении и стали поляками, венграми, румынами, немцами. Русинами оставались только священники и холопы» [34: 9–10].

Исследователи начала прошлого века, как и современные ученые, неоднократно подчеркивали исключительную значимость эпистолярного и автобиографического наследия А. Духновича для гуманитарной науки: «...автори досліджуваних листів зачіпали надзвичайно важливі проблеми, як от мадяризацію інтелігенції Закарпаття, колонізаційні впливи на суспільне життя в Галичині і, як наслідок, швидке поширення там русофільських настроїв» [31: 133]; «Отець Александер Духнович листувався з кількома галицькими патріотами <...> Збереглося тільки його листування з Яковом Головацьким, одним із членів так зв. "Рускої Трійці". Воно має велике історичне значіння для закарпатської історії, бо о. А. Духнович писав Я. Головацькому про трагічне положення народу, проявив у них глибоку патріотичність та любов до свого народу, і звертав увагу на безпощадне мадярщення» [7: 18]; «"Краткая біографія" є історією життя не тільки О. В. Духновича, а й усіх русинів першої половини ХІХ ст. Це розповідь про горе, страждання, короткі миті радості, про віру в свій народ, зростання свідомості, бажання до братського єднання слов'янських народів і великої мрії про щасливе життя русинів разом з іншими європейськими народами» [23: 13]. Ученые, занимающиеся теоретическим осмыслением феномена эго-документов и эго-текстов, утверждают: «Повышенный интерес и особое внимание к человеку, его духовной и повседневной жизни с непреложной закономерностью привели исследователей к документу, к текстам с явно выраженным документальным началом, личным нарративам – этим своеобразным хранителям историко-культурной памяти и контекста определенной эпохи» [22: 7]; «Прицельная работа с эго-документами в качестве исторического источника сегодня намечает, в частности, возможность изучения переломных моментов истории из антропологической и психолингвистической перспектив, с позиции персональной истории и истории идентичностей» [37: 33–34]. Исходя из аргументации приведенных выше доводов авторитетных ученых, можно предположить, что такое внимание историков, филологов и культурологов к сохранившимся эго-документам А. В. Духновича связано именно с констатацией в письмах и автобиографиях прецедентной для данного лингвокультурного сообщества личности реальных фактов жизнедеятельности русинов.

Например, в письме от 20 апреля 1854 г., адресованном крупнейшему русинскому историку, филологу, этнографу и церковному деятелю

лю Я.Ф. Головацкому [10: 127–128; 30: 74–75; 36: 23–24] Александр Духнович пишет о цензурных изъятиях из своего «Литургического катехизиса» (1854), которые были произведены по настоянию римского нунция в Вене: «...хотя я отъ своего мнѣнія не отступаю, и наши всѣ такъ вѣрують, и думаютъ; однакожь, чтобъ вашихъ ревнителѣй успокоить можно, можно ачей тѣ пагины со всѣмъ оставити <...> Вѣнчииковъ вашихъ ревность и моего Еппа туда привела, что онъ те пагины вырезать даль изъ моей книги, бо напудиди го» [11: 24–25]. Данный факт подтверждает наличие цензуры, в т. ч. и религиозной, в многонациональном государстве, что, безусловно, не могло не сказываться на литературном творчестве А. Духновича, который сыграл «большую роль в возрождении народа» [35: 380].

В письме к Я. Головацкому от 27 сентября 1855 г. русинский будитель описывает всю тяжесть положения, в котором пребывало русскоязычное книгоиздание в Королевстве Венгрия: «Брат мой! я издавать не могу, прото, бо у насъ напрасно дѣло трудиться изданіемъ книгъ, ону не желаетъ никто, и не читаетъ, наше мадыарское прежнее воспитаеніе ничего не поминало, и не понимало о чтеніи книгъ; геній той запалилъ духъ молодежи суетою, и не ограниченною пыхою» [11: 30]. В продолжении письма Александр Духнович акцентирует внимание своего адресата на том, что не издает некоторые рукописи из-за причин, которые называет метафорически: «Суть у меня больше рукописи, но тѣмъ еще не пора, пожду чтобъ бури – поволновавъ своевольно – успокоились, и тогда будетъ время моему любезному ученику Петру Івановичу упражнять ся изданіями» [11: 31]. Можно предполагать, что в данном случае бурями, которые, «поволновавъ своевольно», должны успокоиться, А. Духнович называл ряд предшествовавших социально-политических взаимосвязанных событий: это активизация мадыаризации невенгерских народов и революция в Венгрии 1848 г. [26: 9]. Характеризуя данный период в контексте истории русинов, С.Г. Суляк отмечает: «Интенсивно подавление этнокультурной идентичности древнерусского населения начало проводиться в Трансильвании и Северо-Восточной Венгрии в XIX в.» [33: 39].

Объясняя свое литературное бездействие, в письме к Якову Головацкому от 4 апреля 1859 г. Александр Духнович писал: «Братья! Я и постарѣлъ, и подъупаль отъ гоненій, уже совсѣмъ пересталъ дѣлать на литературномъ полѣ, гдѣ саміи кустарники порастають, все поле мое есть Пустыня Аранская, каменистая и мертвымъ моремъ залитая, вотщо дѣлаетеся, когда нѣтъ благословія, ни росы возрастающей благое сѣмя!» [11: 41]. В монографии «Загадковий Духнович» О. Гаврош подчеркивает, что «у 1852 році цісарським указом було забаронено

разповсюджувати книжки, що не пройшли цензуру. Таким чином, Духнович, в якого вдома зберігалося чимало примірників власних видань, поніс великі збитки. Бо дозволу від цензури він так і не отримав. На думку дослідників, це підірвало бажання Духновича видавати літературу, і його активність у видавничій діяльності значно знизилася» [9: 18–19]. Отметим, что лексема «гонения», к которой прибегает А. Духнович для констатации факта своей жизни в письме к Я. Головацкому от 4 апреля 1859 г., дефинируемая в словарях русского языка через ряд синонимов (притеснение, преследование, постоянные нападки на кого-, что-л.), полностью отражает эмоциональное и физическое состояние автора. А. Духнович, доверяя своему корреспонденту, не вуалирует смысла высказывания, точно характеризует действительность. На подобном же экстралингвистическом факторе, опосредующем свободное изложение Духновичем своих взглядов в письмах к единомышленникам, акцентирует внимание австрийский славист М. Мозер: «Урешті, приватне листування Духновича показує ще набагато краще, до якої міри вже в першій половині 1850-х рр. російська мова правила йому за ідеал літературної. У цих текстах Духнович не мусив зважати на жодні цензурні обмеження й міг писати, як душа того бажала» [25: 227]. Таким образом, именно эпистолярное наследие А. Духновича можно рассматривать как свободное от влияния цензуры и самоцензуры.

В автобиографии А. Духновича находим описание, констатирующее факт его ареста: «...за приналежность до цѣсарьского сторонництва, за намовою ворогов, тому що написав руськѣ книжочки, попав в подозрѣня. Нещастного дня 27. апрѣля 1849. вхопили мене розяренѣ мадяре и найперше замкнули в городском домѣ, потом того самого дня около першоѣ години одвели з великим опроводом як якого разбойника на мѣсце страчення мѣж чотырма гусарами и двома гарматами, на передѣ ишов один оддѣл поляков, по заду оддѣл мадыарських гонведов, а по боках ескадра гусаров! Нѣколи я не забуду сего нещасного дня, 27. апрѣля, який менѣ вже 50 лѣтъному чоловѣкови спричинив стольки душевного переляку и душевного болю» [15: 15]. Как видно, А. Духнович перечисляет основания («за приналежность до цѣсарьского сторонництва, за намовою ворогов, тому що написав руськѣ книжочки»), которые привели к его аресту и заключению под стражу. Безусловно, в демократическом государстве названные причины никак не могли являться поводом к возникновению подобных последствий, которые несли непосредственную угрозу не только личной свободе инакомыслящей личности, но и ее жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что именно культурно-просветительская, литературная и общественная деятельность

Духновича стала поводом к реакционным действиям по отношению к нему со стороны официальных властей.

Отметим, что возможный субъективизм изложения фактов реальной действительности в эго-документах определенной исторической личности, по мнению ученых, не коррелирует с понятиями недоверности и неточности. Так, в монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика» Л.П. Репина утверждает: «Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который "искажает информацию о действительности", не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [28: 396]. Авторы статьи «Modern Internet Epistolary in Information and Media Discourse» («Современный интернет-эпистолярный в информационном и медиа-дискурсе») отмечают, что «большое количество различных социальных групп, к которым мы можем принадлежать или нет – религия, этническая принадлежность, политические взгляды, культурные предпочтения, пол, возраст, род занятий – множество факторов, которые делают любого человека активным и важным индивидом» [40: 1306]. Современные историки подчеркивают значимость отражения индивидуальной памяти, ее влияние на память коллективную, рассматривая субъективные свидетельства в качестве одного из основных источников фактической информации, значимой непосредственно для определенных групп (например, социальных, этнических, религиозных и т.д.). Так, немецкий историк, литературовед и культуролог Алейда Ассман в своей работе «Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik» («Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика») отмечает: «Каждый человек занимает свое место с определенной позицией восприятия, поэтому воспоминания во всех совпадениях обязательно отличаются друг от друга <...> Воспоминания не существуют изолированно, а связаны с воспоминаниями других. Их структура, основанная на пересечении, перекрытии и связности, подтверждает друг друга. Таким образом, они не только получают согласованность и авторитетность, но также способность к созданию сообществ» [38: 24]. Принимая во внимание изложенные выше положения и руководствуясь подобным же подходом к эго-документам как к одному из источников исторической информации, эпистолярные и автобиографические произведения

А. Духновича можно считать фактологически и исторически авторитетными. Безусловно, в данном случае необходимо учитывать и их ангажированность, которая выявляется в сознательном выборе определенной позиции автора эго-документов на отражение исторических фактов, что, однако, не умаляет их важности.

Еще одним аргументом, который можно рассматривать в качестве подтверждающего фактора ценности для науки эго-документов, отражающих воззрения на факты реальной действительности определенного индивида, на наш взгляд, является значимость личности автора подобных текстов для определенной лингвокультурной общности. Как уже неоднократно подчеркивалось [1: 17–19; 2: 144–155; 3: 3–24; 16: 90–106; 18: 3–112], личность А. Духновича как русинского просветителя, литератора, общественного и религиозного деятеля является действительно прецедентной для подкарпатских русинов. Исходя из этого, его эпистолярное и автобиографическое наследие целесообразно рассматривать в качестве одного из источников информации по их истории.

Например, в письмах к Я. Головацкому, помимо информации личного характера (обмен книгами, их оплата, переписка о состоянии здоровья), а также в автобиографических работах находим рефлексии Духновича, отражающие исторические реалии: это социальный статус русинов в Венгрии, их экономическое положение, проводимая политики мадьяризации и ее последствия, проблемы формирования национального самосознания и ассимиляции русинов.

Что касается социального статуса русинов в Венгрии, то в автобиографии А. Духнович оставил следующее свидетельство о положении представителей данной этнической группы в многонациональном обществе: «...русинь, и словакъ были и отъ самой черни гонимы, и высмеянные» [23: 49]. Говоря о материальном достатке подкарпатских русинов, А. Духнович констатирует, что «грошей нѣтъ а дорого все, худоба неисповѣдима у насъ, и голодъ великій, словомъ всѣ русины жебраки» [11: 8]; «Мы ждаемъ голоду, якого еще небывало, десята часть людей (русиновъ) неостанется» [11: 26], «Бѣда, голодомъ умераютъ люди, а русины всѣ выгинуть» [11: 27].

Исторические события, описанные А. Духновичем, подтверждаются исследованиями современных исследователей. Так, авторы статьи «Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи» Н.С. Розов и В.В. Цыганков утверждают: «Общеввропейский экономический кризис был обострен неурожаем 1845–1846 гг., который отозвался в Венгрии шестикратным ростом цен на продовольствие, сокращением внутреннего товарооборота, и голодом» [29: 90].

С.Г. Суляк в статье «Русины: уроки трагической истории», анализируя социальное положение русинов, проживавших на территории Австро-Венгерской империи, подчеркивает, что со второй половины XIX ст. «русины оставались только священники и холопы» [34: 10], а «после создания двуединого государства Австро-Венгрии в 1867 г. начинается период немецко-мадьярского господства во всех сферах общественно-политической жизни» [34: 12]. В статье «Русины в истории: прошлое и настоящее» С.Г. Суляк, также акцентируя внимание на вопросе социального статуса русинов, констатирует: «Из-за тяжелого экономического положения многие русины (в основном лемки из Галичины, русины из Угорской (Подкарпатской) Руси и австрийской части Буковины) со второй половины XIX в. вынуждены были эмигрировать в Америку. К концу XIX в. только в США русинов проживало не менее 200 тыс. чел.» [33: 43].

Как видно, факты, упоминаемые А. Духновичем в переписке, отличаются эмоциональностью изложения, что подтверждает небезразличие пишущего к написанному, однако это не снижает их исторической и культурологической ценности. Напротив, в подобных случаях мы имеем дело со свидетельствами непосредственного участника событий, который не может без экспансивности реагировать на них, поскольку либо сам столкнулся с ними, либо действительно переживает за соотечественников, которые оказались в тяжелых, опасных для жизни и здоровья условиях.

Следует учитывать, что исторические факты, которые могут показаться несущественными для человека, не принадлежащего к определенному лингвокультурному сообществу, обязательно будут значимыми для индивида – представителя конкретной этнической группы, что опосредует их актуализацию в эго-документах. Так, Духнович в переписке с Головацким и в своих автобиографиях неоднократно апеллирует к фактам политики мадьяризации: «унась замерло все, эгоизмъ, и мадьяризмъ господствует повсюду» [11: 33]; «Мадьяризмъ заводится по всюду, уборъ мадьярскій (народный) эпоху ставить» [11: 45]; «оть давна стремили мадыры на пагубу славянамъ, мальчиковъ переобразовали въ мадьяризмъ <...> и горе было въ школе бедному русину» [23: 47]. При этом в некоторых случаях упоминания исторического факта снова наблюдаются эмоциональные рефлексии автора, выражаемые в комментариях и описаниях последствий данного процесса: «дуже смадьяршилися, все руское имъ простое видится, и читати не хотять, бо незнають» [11: 9]; «Наши мадыры, изъ поводу краковскихъ поляковъ, велики надежды себѣ обретають, что всѣ чиновства будуть по мадьярски дѣйствовать, и по этому мы между Сциллою и Харибдомъ, такъ изъ двухъ сторонъ

нась возьмуть, двѣ власти истребить нась стремятся» [11: 44–45]; «как сойка научился говорить по мадярски, а думать также въ томъ духе насильно набили въ мои чувства мадярскіе учителя» [23: 49]. Подчеркнем, что такое внимание А. Духновича к политике мадяризации в Венгрии, неоднократные упоминания о ее последствиях в письмах и автобиографиях, на наш взгляд, напрямую коррелируют с его деятельностью на попрѣще национально-культурного возрождения русинов. Безусловно, то, с чем боролся А. Духнович, не могло не найти своего отражения в его переписке с единомышленником, а также в автобиографическом документе.

Таким образом, можно констатировать, что эго-тексты прецедентной для определенного лингвокультурного сообщества личности, какой для русинов был и остается Александр Духнович, несмотря на их возможную субъективность и пристрастность, наличие индивидуализированного взгляда пишущего на исторические события, эмоциональность изложения фактов действительности могут являться источниками фактической информации для историков, культурологов, лингвистов. Для исследователей-гуманитариев персональные сведения, которые зачастую актуализируют в подобного рода документах и общественно значимые факты, становятся эмпирическим материалом, благодатной почвой для изучения корреляций между проявлениями индивидуальной и коллективной памяти, фундаментальным основанием для анализа взаимосвязи фактов истории и проблем формирования национальной (этнической, языковой, культурной) идентичности, источником самоидентификационной информации об авторе эго-текста, его идеологических установках и политических воззрениях, а также ключом к дешифровке завуалированного смысла литературно-художественных и публицистических произведений конкретной прецедентной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаший М. Национальное кредо А. Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // Русин. 2006. № 1 (3). С. 17–19.
2. Аристовъ F.F. «Истинная исторія карпато-россовъ» А.В. Духновича. Значеніе А.В. Духновича, какъ угро-русскаго историка // Русскій архивъ. 1914. № 5. С. 144–155.
3. Аристовъ F.F. Карпато-русскіе писатели. Александръ Васильевичъ Духновичъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1929. 26 с.
4. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 21–38.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

6. Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11

7. Вайда М. Великий пробудитель Закарпаття. Філадельфія: Видавництво «Карпатський голос», 1953. 48 с.

8. Вежбица А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

9. Гаврош О. Загадковий Духнович. Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2013. 94 с.

10. Горбаль Б. Галицькі старорусини і русофілі і одношнія до них Габсбургської і царської монархій до 1914 року // Русин. 2007. № 3 (9). С. 122–145.

11. Демко М. Письма А. Духновича к Я. Головацькому. Мукачево: Реформы, 1927. 64 с.

12. Добродѣтель превышаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ ползу народа карпато-русского отъ Александра Духновича. Перемышль: Типомъ собора русскихъ крылошанъ, 1850. 24 с.

13. Духнович А. Миленъ и Любица идильская повѣсть отъ древнихъ русиновъ времянь // Поздравленіе русиновъ на годъ 1851. Вѣдень: Типом. ОО Мехитаристовъ, 1850. С. 79–93.

14. Духнович А. Память Шавника // Поздравленіе русиновъ на годъ 1851. Вѣдень: Типом. ОО Мехитаристовъ, 1850. С. 71–78.

15. Духнович А. Автобіографія. Ужгородъ: Книгопечатня «Свобода», 1928. 24 с.

16. Зеленко С.В. Концептуализация этнонима русин в поэзии Александра Духновича // Русин. 2018. № 4 (54). С. 90–106. DOI: 10.17223/18572685/54/6

17. Истинная исторія карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ изданна народолоубцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853. Сообщ. Ф.Ф. Аристовъ // Русскій архивъ. 1914. № 4. С. 528–559.

18. Каминскій І. Національное самосознаніе нашего народа. Въ память А. Духновича. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 20 с.

19. Книжица читальная для начинающихъ. Будинъ Градь: Всеучилища Пештанскаго, 1847. 115 с.

20. Книжица читальная для начинающихъ. Будинъ: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.

21. Краткая біографія Александра Духновича Крылошана Пряшовского // До другого варіанту «Краткой біографіі» О.В. Духновича. Суми: ВВП «Мрія-1» ЛТД, 1996. С. 17–51.

22. Куренная Н.М. Документ и «документальное» как историко-культурная проблема // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 7–23. DOI: 10.31168/0402-2.1

23. Манько М.О. До другого варіанту «Краткой біографіі» О.В. Духновича. Суми: ВВП «Мрія-1» ЛТД, 1996. 52 с.

24. Митина С.И. Философский эго-текст: бытие в культуре: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2008. 43 с.

25. Мозер М. Чи намагався Олександр Духнович створити русинську літературну мову? // Україна модерна. 2008. № 13 (2). С. 222–235.
26. Падяк В. Історія карпаторусинської літератури і культури: драматургія і національний театр на Підкарпатській Русі (1848–1989). Пряшів: Пряшівський університет у Пряшеві – Інститут русинського язика и культури, 2015. 183 с.
27. Поезії Александра Духновича / З перводруків собрав, жителісь написав и поясненія додав др. Франтішек Тихій. Ужгородъ: Книгопечатня акційного тов. «УНІО», 1922. 88 с.
28. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
29. Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи // Сравнительная политика. 2019. № 10 (1). С. 81–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006
30. Світлик Н. Галицька періодика середини ХІХ – початку ХХ століття і її роль у процесі наукової співпраці інтелігенції Закарпаття і Галичини // Русин. 2011. № 4 (26). С. 73–84.
31. Світлик Н.М. Листування між Я. Головацьким і О. Духновичем як джерело особистої співпраці // Соціум. Документ. Комунікація. 2016. Вип. 1. С. 125–138.
32. Сокращенная грамматика письменного рускаго языка изданная Александромъ Духновичемъ. Буда: Типографія Мартина Баго, 1853. 51 с.
33. Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
34. Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
35. Суляк С.Г., Зиновьев В.П. Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь // Русин. 2018. № 4 (54). С. 372–388. DOI: 10.17223/18572685/54/22
36. Тудосе В. Карпаторусские писатели и общественные деятели ХІХ в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.
37. Филатова Н.М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI: 10.31168/0402-2.2
38. Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: Verlag C.H. Beck, 2006. 320 s.
39. Loseff L. On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1984. 192 p.
40. Toktagazin M.B., Turysbek R.S., Ussen A.A. et al. Modern internet epistolary in information and media discourse // Mathematics education. 2016. Vol. 11, № 5. P. 1305–1319.
41. Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Revue des etudes slaves. 1982. V. 54, № 3. P. 387–401.

REFERENCES

1. Almashiy, M. (2006) Natsional'noe kredo A. Dukhnovicha: "Ya rusin byl, esm' i budu" [A. Dukhnovich's national credo: "I was, am and will be Rusin"]. *Rusin*. 1(3). pp. 17–19.
2. Aristov, F.F. (1914) "Istinnaya istoriya karpato-rossov" A.V. Dukhnovicha. Znachenenie A.V. Dukhnovicha, kak ugro-russkago istorika ["The true history of Carpatho-Ross" by A.V. Dukhnovich. The role of A.V. Dukhnovich as an Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 5. pp. 144–155.
3. Aristov, F.F. (1929) *Karpato-russkie pisateli. Aleksandr Vasil'evich Dukhnovich* [Carpatho-Russian writers. Alexander Vasilievich Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch'.
4. Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [The origins, problems and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 21–38.
5. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
6. Biryukov, S.V. (2018) Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusin question. *Rusin*. 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
7. Vayda, M. (1953) *Velikiy probuditel' Zakarpattya* [The Great Awakener of Transcarpathia]. Philadelphia: Karpats'kiy golos.
8. Vezhbitska, A. (1993) Antitotalitarnyy yazyk v Pol'she: mekhanizmy yazykovoy samooborony [Anti-totalitarian language in Poland: mechanisms of linguistic self-defense]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 107–125.
9. Gavrosh, O. (2013) *Zagadkoviy Dukhnovich* [Mysterious Duhnovich]. Uzhhorod: Poligrafstsentr "Lira".
10. Gorbal, B. (2007) Galitsky starorusiny i rusofili i odnozhynya do nikh Gabsburskoy i tsarskoy monarkhiy do 1914 roku [Galician Old Rusins and Rusophiles and the attitude of the Habsburg and the Tsarist monarchies to them until 1914]. *Rusin*. 3(9). pp. 122–145.
11. Demko, M. (1927) *Pis'ma A. Dukhnovicha k Ya. Golovats'komu* [A. Dukhnovich's Letters to Y. Golovatsky]. Mukachevo: Reform.
12. Dukhnovich, A. (1850a) *Dobrodetel' prevyshaet bogatstvo* [Virtue Exceeds Wealth]. Przemysl: Tipom. sobora russkikh Kryloshan.
13. Dukhnovich, A. (1850b) *Pozdrvlenie Rusinov na god 1851* [Congratulations to the Rusins for 1851]. Veden: Tipom. OO Mekhitaristov. pp. 79–93.
14. Dukhnovich, A. (1850c) *Pamyat Shchavnika* [Memory of Shchavnik]. *Pozdrvlenie Rusinov na god 1851*. Veden: OO Mekhitaristov. pp. 71–78.
15. Dukhnovich, A. (1928) *Avtobiografiya* [Autobiography]. Uzhhorod: Svoboda.
16. Zelenko, S.V. (2018) Conceptualization of the ethnonym "Rusin" in the poetry of Alexander Dukhnovich. *Rusin*. 4(54). pp. 90–106 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/6

17. Dukhnovich, A. (1914) *Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugarskikh rusinov* izdanna narodolyubtsem, Aleksandrom Dukhnovichem. 1853. Soobshch. F.F. Aristov ["The true history of the Carpatho-Ross or the Hungarian Rusins" published by the people-lover Alexander Dukhnovich. 1853. Reported by F.F. Aristov]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

18. Kaminsky, I. (1925) *Natsional'noe samosoznanie nashego naroda. V pamyat' A. Dukhnovicha* [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkolnaya pomoshch.

19. Anon. (1847) *Knizhitsu chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

20. Anon. (1850) *Knizhitsu chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoy knigopechatny.

21. Pryashovsky, K. (1996) *Kratkaya biografiya Aleksandra Dukhnovicha* [A brief biography of Alexander Dukhnovich]. In: Manko, M.O. (ed.) *Do drugogo variantu "Kratkoy biografii" O.V. Dukhnovicha* [Before another version of A.V. Dukhnovich's "A Brief Biography"]. Sumi: VVP "Mriya-1" LTD.

22. Kurennya, N.M. (2018) Dokument i "dokumental'noe" kak istoriko-kul'turnaya problema [Document and "documentary" as a historical and cultural problem]. In: Kurennya, N.M. (ed.) *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and "documentary" in Slavic cultures: between the real and imaginary]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 7–23 (in Russian). DOI: 10.31168/0402-2.1

23. Manko, M.O. (1996) *Do drugogo variantu "Kratkoy biografii" O.V. Dukhnovicha* [Before another version of A.V. Dukhnovich's "A Brief Biography"]. Sumi: VVP "Mriya-1" LTD.

24. Mitina, S.I. (2008) *Filosofskiy ego-tekst: bytie v kulture* [Philosophical ego-text: being in culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Saransk.

25. Moser, M. (2008) Chi namagavsyia Oleksandr Dukhnovich stvoriti rusyn's'ku literaturnu movu? [Did Aleksandr Dukhnovich strive to create a Rusyn literary language?]. *Ukraina moderna*. 13(2). pp. 222–235.

26. Padyak, V. (2015) *Istoriya karpatorusyn's'koy literatury i kultury: dramaturriya i natsionalnyy teater na Pidkarpats'kiy Rusi (1848–1989)* [The history of Carpatho-Russian literature and culture: drama and the national theater in Subcarpathian Rus (1848–1989)]. Prešov: Prešov University near Prešov – Institute of Rusyn Language and Culture.

27. Dukhnovich, A. (1922) *Poezii Aleksandra Dukhnovicha* [Aleksandr Dukhnovich's Poems]. Uzhhorod: UNIO.

28. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: Sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug.

29. Rozov, N.S. & Tsygankov, V.V. (2019) Regularities in disturbance: comparative political analysis of the revolutionary wave 1848–1849 in the Austrian Empire. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 10(1). pp. 81–97 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006

30. Svitlik, N. (2011) Galits'ka periodika seredini XIX – pochatku XX stolittya i ii rol' u protsesi naukovoï spivpratsi inteligentsii Zakarpattya i Galichini [The

Galician periodical of the middle of the 19th – early 20th century in the process of scientific cooperation of the intelligentsia in Transcarpathia and Galicia]. *Rusin*. 4(26). pp. 73–84.

31. Svitlik, N.M. (2016) Listuvannya mizh Ya. Golovats'kim i O. Dukhnovichem yak dzhereło osobistoї spivpratsi [Correspondence between Y. Golovatsky and A. Dukhnovich as a source of personal cooperation]. *Sotsium. Dokument. Komunikatsiya*. 1. pp. 125–138.

32. Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Brief Grammar of the Written Russian language]. Buda: Martin Bago.

33. Sulyak, S. (2007) Rusyny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

34. Sulyak, S. (2008) Rusyny: uroki tragiccheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4(13–14). pp. 7–34.

35. Sulyak, S.G. & Zinovyev, V.P. (2018) G.A. De Wollant and Ugric Russia. *Rusin*. 4(54). pp. 372–388 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/22

36. Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1(7). pp. 17–32.

37. Filatova, N.M. (2018) Podkhody k izucheniyu ego-dokumentov v sovremennoy istoricheskoy nauke v svete “lingvisticheskogo povorota” [Approaches to the study of ego-documents in modern history in the light of the “linguistic turn”]. In: Kurenaya, N.M. (ed.) *Dokument i “dokumental'noe” v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “documentary” in Slavic cultures: between the real and imaginary]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 24–40 (in Russian). DOI: 10.31168/0402-2.2

38. Assman, A. (2006) *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Munich: Verlag C.H. Beck.

39. Loseff, L. (1984) *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*. Munich: Verlag Otto Sagner in Kommission.

40. Toktagazin, M.B. et al. (2016) Modern internet epistolary in information and media discourse. *Mathematics education*. 11(5). pp. 1305–1319.

41. Zaslavsky, V. & Fabris, M. (1982) Lexicon of inequality – to the problem of the development of the Russian language in the Soviet period. *Revue des etudes slaves*. 54(3). pp. 387–401.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus).

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com